

Отзыв официального оппонента на диссертацию диакона Артемия Овчаренко «Учение о красоте и его место в богословии свт. Василия Великого», представленную на соискание ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие)

Недавно А. В. Марков вслед за В. Н. Топоровым назвал святость «самым устойчивым концептом русской культуры»¹. Такое понимание, как показали С. С. Аверинцев и другие ученые, перешло в Россию от Византии и культур Ближнего Востока, включая сирийскую (упоминаемую автором в лице преп. Мар Афрема – Ефрема Сирина). Учитывая, сколь важен для русского мирозерцания акцент на теме соборной красоты всего сущего – от купола небес до матери Земли, приходится признать, что глубоко не случаен как выбор темы диссертантом – диаконом Артемием Овчаренко, так и его подходы к этой теме, поистине, сколь глубочайшей, столь же и универсальной.

В защиту автора можно вспомнить и мысль свящ. П. А. Флоренского о том, что «аскетика создает не "доброго" человека, а п р е к р а с н о г о (разрядка свящ. П. А. Флоренского. – Д. М.)»², так что эстетичность вырастает и проявляется, поистине, как «синий цвет смальты» (ср. с. 233–234) на общей мозаике православно-христианского мирозерцания.

Пойдем далее. Если гениальный ученик П. А. Флоренского и Вяч. И. Иванова – А. Ф. Лосев – был страстным поклонником диалектики, то автор настоящей работы, наследник упомянутых мыслителей, как и самих византийцев, диакон Арсений Овчаренко – большой любитель статистики и применяемых ею методов исследования (ср., впрочем, и оговорку на с. 200 относительно их всеобщей применимости). Так что в плане характеристики диссертационного исследования мы можем утверждать, перефразируя

¹ Марков А. В. Семиотическое медленное чтение В. Н. Топорова как метод изучения русской духовной культуры // Вестник Московского государственного института культуры (МГУКИ). 2020. № 3 (95). Май–июнь. С. 86–97, с. 95.

² Флоренский П. А., свящ. Столп и утверждение Истины. Т. I (1). М.: Правда, 1990. (Из истории отечественной философской мысли). С. 99.

Валерия Брюсова: статистика раскрывает тайны. В данном случае – тайны понимания и интерпретации категории красоты в богословии св. Василия Великого. А эти тайны заслуживают самого пристального внимания.

Впрочем, всё-таки трудно удержаться от того, чтобы не высказать, наряду с панегириком, и элемент критики: абсолютное преобладание статистического метода в работе приводит к тому, что, начиная с гл. 5.2.1, читать текст становится несколько затруднительно, поскольку обширнейшие примечания нарушают связность текста. Авторская идея понятна – он прослеживает, мотив за мотивом, преломление мировоззренческой «матрицы красоты» у преемников св. Василия в патристике, но делает это уж больно дотошно и подробно, – хотя и стремится укрупнить богатство материала в сносках в семантические общности более высокого уровня (и в будущем, при переработке текста в монографию, автору, вероятно, придется заняться именно этим).

Ибо теоретически возможно представить себе ученого-филолога, который будет лет через 600 анализировать роман Джойса «Улисс» и, приняв за чистую монету первые же строки произведения (возглас священника в начале латинской мессы), сочтет текст строго богословским – наподобие, быть может, романов Достоевского или Льюиса. Но ведь это далеко не так! – Как же быть? Будучи прекрасно осведомленным о такого рода трудностях, диссертант как раз и пытается восходить от уровня слов и терминов – к более ёмким блокам организации текста, к его *смысловым* мотивам, а не только лексическим единицам. И всё же местами (скажем, при чтении раздела о Симеоне Новом Богослове) хочется задаться вопросом: а не характеризуются ли наши выводы в данном случае частичным упрощением? Ведь по самому характеру доносимого им благовествования и используемых при этом поэтических выразительных средств текст св. Симеона заметно отличается от творений того же Дамаскина, а один и тот же образ в обрамлении поэтического текста звучит более масштабно или многоцветно, чем в строгой богословской прозе того же св. Иоанна Дамаскина.

Несмотря на это, автору удалось создать нечто вроде практической энциклопедии (или *companion*, как говорят на Альбионе) использования *основного* понятия красоты (*τὸ κάλλος* и производные) в раннехристианской и византийской святоотеческой мысли. Ученый, несомненно, доказал «тот поистине универсальный характер, какой понятие красоты обретает в мировоззрении Великого Каппадокийца» (с. 234). При этом в ход пошли даже математические методы подсчета частотности словоупотребления. И гармония поверена алгеброй, и алгебра не подавила ее. Но вернемся к академическому стилю изложения.

В работе – при общей безупречности присущих ей аргументации и изложения – есть особо значимые догматические и философско-филологические анализы и наблюдения. Во-первых, важно уже то, что автор делом надежно и нерушимо доказывает *фундаментальное базовое единство византийской святоотеческой традиции – от апологетов до св. Марка Эфесского* (вопреки разного рода ревизионистским, антипаламитским, «антинеопаламитским» и прочим теориям) (ср. с. 232, 236, 302; ср. важный вывод на с. 280 о значении богословия св. Григория Паламы как *итога* не только исканий XIII в., что готов признать и Я. Полемис, а *всей* предшествовавшей традиции патристики). В полном виде «матрица красоты» представлена и у св. Максима Исповедника – еще одной вершины святоотеческого богословия (с. 291). Из паламитских текстов, заметим, было бы также полезно привлечь творения св. Каллиста Ангеликуда (ок. 1325–1390), в частности, публикуемые О. А. Родионовым³; думается, выводы были бы сходными и по ним; возможно, у св. Каллиста мы видим усиление эсхатологического «элемента матрицы».

Во-вторых, без всяких экивоков диак. Артемий Овчаренко четко показывает, что красота для св. Василия – естественное свойство

³ Например: Родионов О. А. «Послание Макарию»: ещё один малоизвестный текст Каллиста Ангеликуда. Editio princeps и русский перевод // *Διδάσκαλος καὶ σοφός*. Сборник статей к 90-летию И. П. Медведева / под ред. Л. А. Герд. СПб.: Индрик, 2025. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН; вып. 9 (25)). С. 199–210.

Божественной природы, общей для Трех Лиц, а точнее – одна из энергий Божиих (см. четкое и ясное рассуждение на с. 168–169, а также с. 183, 184, 236, 300 *et passim*; отметим на с. 169 и прим. 675 важное наблюдение о св. Григории Паламе). Опыт обожения есть причастие этой благой энергии во Христе, но, как известно, сама вера в Спасителя подается Св. Духом, поэтому описываемый святителем опыт спасения – тринитарен и христоцентричен (с. 224), на своих высших этапах созерцание красоты переходит в *умное делание* (с. 201), о чем и говорил свящ. П. А. Флоренский; к этому опыту призван каждый церковный христианин (с. 230). Это дает нам основание говорить (вслед за Х. Урс фон Бальтазаром) о претворении в аскетике св. Василия симфонического принципа соборности (с. 291, ср. 301), а о красоте – как о мировоззренческом инварианте в его творениях (с. 292, 301). Столь комплексно вопрос о красоте в более ранней патристике раскрыт не был (с. 288, 289, хотя ср. важное уточнение об Оригене и Платоне на с. 129), хотя имелись ценнейшие прецеденты – главным образом, у Оригена и сщмч. Мефодия Олимпийского (Патарского; заметим в скобках, что обычно в диссертациях такого рода философско-богословский масштаб св. Мефодия игнорируется, так что нам очень приятно констатировать у диак. Артемия обратную – и более взвешенную – тенденцию). Уже по одному перечисленному – и по ряду других причин – видно действительное новаторство св. Василия в трактовке темы Божественной красоты (с. 294 *et passim*) – и даже, быть может, в сфере «интроспективной психологии», если таковая заслуживает выделения в особую категорию (с. 301).

Всё это проделать было тем более важно, что, по сути, как отмечает диссертант, вопрос о понимании красоты в патристике после св. Василия системно не был исследован (с. 240) – невзирая на отдельные статьи, вроде работы Г. Зографидиса⁴. Труд диссертанта стоит уже на следующем этапе – понимая и принимая не только *возможность*, но и актуальную *данность*

⁴ В самом ее названии звучит доля скепсиса: *Zografidis G. Is a Patristic Aesthetics Possible? The Eastern Paradigm Re-examined // Studia Patristica. 2013. Vol. LIX / ed. A. Brent & M. Vinzent. P. 113–135.*

эстетического среза мировосприятия византийских и раннехристианских Отцов и учителей Церкви, диак. Артемий прочерчивает смысловые линии и силовые поля внутри данного среза, т. е. занимается, как сказал бы Ж. Делёз, картографированием или «территориализацией», одним словом – обживанием данной области мировоззрения. Так, приводится *curriculum vitae* св. Василия (с. 360). В очень точных выражениях диссертант рассуждает о, прежде всего, *мистическом* (с. 226–227, 235), но, вообще говоря, *универсальном* опыте созерцания красоты (с. 228), который и формирует «прекрасного человека» (по Флоренскому), идущего по пути обожения. Не вызывают споров ни прочерчивание и тщательный анализ диссертантом двух линий соотношения красоты в ранней патристике, соответственно, с Богом-Отцом и с Сыном-Логосом (с. 299 *et passim*), ни, конечно, центральная для работы важнейшая матрица значения красоты в миросозерцании св. Василия Великого, представленная в качестве одного из итогов работы на с. 235 в виде табл. 4.4 (ср. с. 297, 301). Важен вывод о св. Григории Нисском как первом фундаментальном продолжателе идей св. Василия Великого о красоте (с. 260); подобное, как известно, справедливо и в отношении «Шестодневов» свв. Василия и Григория. В целом же автору удалось средствами статистического, лексикографического и – до какой-то степени – историко-идейного анализа показать, что последующие авторы патристики в том, что касается восприятия и осмысления идеи красоты, унаследовали заданную св. Василием матрицу (см. Гл. 5, а также итоговый вывод на с. 296). Здесь в качестве возможного продолжения исследований хочется пожелать автору обратить внимание также на жития и гимнографию, в которых могут обнаружиться интересные дополнительные нюансы в осмыслении авторами красоты.

Говоря о матрице красоты в учении св. Василия, дотошно реконструируемой диссертантом средствами лингвостатистического и семантического анализа, нельзя не подивиться проницательности избранной им методологии; так, в конечном счете, по словам диака. Артемия, «понятие

Божественной красоты нужно реконструировать как производную богословского учения автора» (с. 154, ср. с. 216). *Omnes viae theologiam ducunt* (перефразируем классиков). И это – на наш взгляд, единственно верная мега-предпосылка при изучении классиков богословия.

Читая у автора о сближении Оригеном понятий красоты и света (с. 104), можно заметить, что есть ряд контекстов, и даже жанров, богословской словесности, в которых это и подобные (также со славой, например) сближения становятся общим местом – например, гомилетика на Преображение Господне. На с. 96 было бы интересно хотя бы в одной фразе отметить, как смотрели на Премудрость из Притч. 9 представители русской софиологии (впрочем, понимая избыточность этого замечания, на нем особо не настаиваем).

Автор мастерски переводит древне- и среднегреческие тексты, из возможных шероховатостей отметим лишь пару мест: на с. 177, прим. 722, мы бы перевели или буквально, но громоздко: «усвоение Духом Себе души», или приобретение сродства» (а не «сходства»); со «сходством» было бы *ὁμοίωσις* (слово не со столь «обязывающей» семантикой). На с. 199, п. 16, мы бы перевели, скорее, не «мнений», а «учений», хотя императивно на этом не настаиваем. На с. 263, прим. 1023, в цитате из 10.3.2.5-7 не отождествлена цитата из 2 Кор. 3, 18. Перейдем к более «концептуальным» замечаниям.

Что касается дат жизни свв. Симеона Нового Богослова и Григория Паламы, то на с. 276 автор, вероятно, забыл привести общеизвестную датировку жития св. Симеона (ок. 949–1022). На с. 278 он датирует житие св. Григория Паламы 1296–1357 гг., но более принятой всё-таки является датировка 1294–1357 гг. Что касается редкого упоминания св. Симеоном уже пройденного подвижником пути очищения (с. 277, прим. 1111), то на сей счет имеется статья еп. Ириней (Стинберга), в которой показано, что перед нами – одна из характерных черт учения старца: видение Света Божия возможно, скажем так, из самой «сердцевины» покаяния, а не только в

состоянии очищенности⁵. Что касается гипотез об авторстве «Ареопагитик», то ссылки на курс лекций прот. И. Мейендорфа здесь явно не достаточно: можно было упомянуть две основные современные гипотезы касательно происхождения автора – сиро-палестинскую (нашедшую отражение в статье иг. Дионисия (Шленова) в «Православной энциклопедии») и грузинскую теорию, выдвинутую в 50-е гг. Э. Хонигманом и активно поддержанную в наши дни М. ван Эсбруком и В. М. Лурье, относительно идентификации писателя «Ареопагитик» с Петром Ивиrom⁶. Вообще говоря, в разделе об Ареопагите чувствуется нехватка современной библиографии – а ведь можно было бы, по идее, обсудить и теорию прот. И. Мейендорфа (кстати!) о «христологической коррективе», которую внес св. Григорий Палама в богословие Ареопагита, и современную апологию укорененности Дионисия в исихастской традиции, предпринятую еп. Александром (Голицыным)⁷. Тогда, возможно, и замыкающая раздел фраза на с. 268 звучала бы в более уверенной тональности.

Оппоненту не хотелось бы быть неверно понятым. Библиографические и буквоедческие претензии можно предъявлять к любой работе любого уровня; так, в статье, указанной в прим. 1, А. В. Марков упрекает В. Н. Топорова в неточностях при прочтении повести Ивана Шмелёва. Дело не в этом. Будучи уверенным, что диак. Артемий Овчаренко тщательно откорректирует текст своего исследования перед сдачей монографии в печать, оппонент хотел бы, чтобы этот текст был как можно ближе к высокому идеалу научной работы – к идеалу, который в его труде уже и теперь в значительной степени претворился. И эта значительность и

⁵ *Ириней (Стинберг), еп.* Послушание, опыт, преображение и духовник: значение наследия преп. Симеона Нового Богослова в православной пастырской жизни / пер. с англ. С. В. Месяц // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие: Материалы Второй международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия (Москва, 11–13 декабря 2014 года) / под ред. митр. Волоколамского Илариона. М.: Познание, 2017. С. 459–478, особ. 471 сл.

⁶ *Lourié B.* Peter the Iberian and Dionysius the Areopagite: Honigmann – van Esbroeck's Thesis Revisited // *Scrinium*. 2010. Vol. 6. P. 143–212.

⁷ *Golitzin, A., hierom.* Dionysius Areopagites in the Works of Saint Gregory Palamas: On the Question of a «Christological Correction» and Related Matters // *Scrinium*. 2007. T. 3. The Theophaneia School: Jewish Roots of Eastern Christian Mysticism / ed. B. Lourié and A. Orlov. P. 83–105.

масштабность работы такова, что позволяет мне смело утверждать следующее. Диссертационное исследование диак. Артемия Овчаренко является собой целостный и законченный научно-богословский и историко-философский труд, охватывающий различные смежные области гуманитарного знания (библиистику, систематическое и догматическое богословие, патрологию, эстетику, историю античной философии), в полной мере соответствующий (а очень часто – и превосходящий) тем требованиям, которые предъявляются к подобного рода работам, а его автор – диакон Артемий Овчаренко – достоин присуждения ему ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Доктор философских наук, доцент, профессор
и заведующий кафедрой общих гуманитарных
дисциплин Уральской государственной
консерватории им. М. П. Мусоргского

Дмитрий Игоревич Макаров

620014 РФ, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 26
+7 343 371 21 80; E-mail: mail@uralconsv.org

30.09.2025

Подпись	<i>Д.И. Макаров</i>
Удостоверяю:	<i>В.И.С.</i>
и.о. зам. рек.	
Должность	<i>Э.Б. Гамбур</i>
	расшифровка подписи
« 30 »	09 2025 г.